

Борис Корниенко

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Рецензия на книгу:

*Антонов Д. И. Цари и самозванцы: борьба идей
в России Смутного времени*

Корниенко Борис Сергеевич, кандидат исторических наук, начальник отдела мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей; regnum84@mail.ru

Kornienko Boris Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Department Head for Interethnic and Interfaith Relations of the Federal Agency for Nationalities Affairs; regnum84@mail.ru

Аннотация: В рецензии представлен обзор книги Д. И. Антонова «Цари и самозванцы: Борьба идей в России Смутного времени»*, посвященной культурологическому рассмотрению истории Смутного времени с точки зрения борьбы идей. Методологически Д. И. Антонов позиционирует свое исследование как основанное на семиотическом и феноменологическом подходах и на герменевтическом анализе средневековых текстов. В частности, автор рассматривает такие сюжеты, как обоснование восшествия на престол Бориса Годунова, мифы, связанные с личностью Лжедмитрия I, кризис процедуры крестоцелования и ряд других нюансов, связанных с борьбой идей в период Смутного времени и нашедших свое отражение в произведениях современников тех событий. Книга Д. И. Антонова — это, несомненно, качественное исследование, которое внесло существенные коррективы в понимание идеологических процессов, протекавших в период Смутного времени. Вместе с тем к работе Д. И. Антонова можно высказать некоторые замечания, главное из которых заключается в том, что он разобрал далеко не весь комплекс идей, бытовавших и противостоявших друг другу в период

Abstract. The note presents a review of the book "Tsars and Pretenders: The Struggle of Ideas in Russia during the Time of Troubles" by D. I. Antonov, which is dedicated to the review of the history of the Time of Troubles as the struggle of ideas from the point of view of cultural studies. Methodologically, D. I. Antonov positions his research as based on semiotic and phenomenological approaches and hermeneutical analysis of medieval texts. In particular, the author considers such subjects as the justification of the accession to the throne of Boris Godunov, myths associated with the personality of False Dmitry I, the crisis of the procedure of crucifixion and a number of other nuances associated with the struggle of ideas during the Time of Troubles and reflected in the works of contemporaries of those events. This book is undoubtedly a qualitative study, which has made significant adjustments in understanding the ideological processes that took place during the Time of Troubles. However, to the work of D. I. Antonov we can make some remarks, the main of which is that he has not analyzed the whole complex of ideas that existed and opposed each other during the Time of Troubles. In this regard, it seems advisable to continue the research work in the key set by D. I. Antonov.

* *Антонов Д. И. Цари и самозванцы: Борьба идей в России Смутного времени.* М.: РГУ, 2023. 317 с.

Смутного времени. В связи с этим представляется целесообразным продолжить исследовательскую работу в заданном Д. И. Антоновым ключе.

Ключевые слова: Смутное время, историография, история России, царская власть.

DOI: 10.33280/3034-3216.2024.86.58.010

Keywords: Time of Troubles, historiography, history of Russia, tsarist authority.

Boris Kornienko

Cultural history during the Time of Troubles.

Book Review:

Antonov D. I. Tsars and impostors: The struggle of ideas in Russia during the Time of Troubles / *Antonov D. I.* Cari i samozvancy: Bor'ba idej v Rossii Smutnogo vremeni

В 2023 г. вышло 2-е издание книги доктора исторических наук, профессора кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ Дмитрия Игоревича Антонова «Цари и самозванцы: Борьба идей в России Смутного времени», которое по сравнению с изданием 2019 г. отредактировано и дополнено еще одним «экскурсом» (теперь их стало пять). При этом, по собственному признанию автора, книга является переизданием его более ранней работы — монографии «Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века» (М., 2009), — но существенно переработанным и дополненным. Изменения настолько значительны, что речь, несомненно, идет именно о новой книге. Ее повторное издание тиражом 1000 экземпляров более чем актуально, учитывая, что первый тираж ограничился 500 экземплярами, сразу сделав книгу библиографической редкостью.

В аннотации к новому изданию, как это сейчас принято, указано, что книга ориентирована как на специалистов, так и на широкий круг читателей. Однако это все же некоторое лукавство — книга предназначена только для специалистов. Ее чтение подразумевает достаточно глубокое погружение в контекст истории Смутного времени, хорошее знание истории Средних веков, истории Русской Церкви, а также хотя бы некоторое представление о христианском, в первую очередь православном богословии. Неподготовленному читателю будет сложно в полной мере воспринять содержание книги, и она даже может показаться скучной. Но зато для людей, подготовленных и действительно заинтересованных в изучении истории Смуты во всей ее многомерной сложности, книга Д. И. Антонова — настоящая находка.

Смутное время — один из самых интересных и, как следствие, востребованных у исследователей периодов русской истории,

который дает богатый выбор тем и сюжетов для изучения. Однако не секрет, что в большинстве случаев авторы книг о Смуте концентрируют свое внимание на военно-политической или социальной стороне дела. Д. И. Антонов подходит к вопросу с другой стороны — культурологической. Его интересуют не сами события Смутного времени, а их оценка современниками и то влияние, которое они оказывали на устоявшиеся в предыдущую эпоху модели мировосприятия, иными словами — «трансформация стереотипов, смыслового и символического пространства Московской Руси» (с. 12). Нельзя сказать, что Д. И. Антонов оказался первым на этом поприще, особенно учитывая вклад В. И. Ульяновского в реконструкцию картины борьбы и эволюции идей в Смутное время, но его подход к теме можно назвать нестандартным и даже новаторским.

Методологически Д. И. Антонов позиционирует свое исследование как основанное на семиотическом и феноменологическом подходах. Оно построено на герменевтическом анализе средневековых текстов, корпус которых жестко определен. Опорными текстами для автора служат «История в память впретидущим родом» Авраамия Палицына, «Временник» Ивана Тимофеева и «Словеса дней, и царей, и святителей московских, еже есть в России» Ивана Хворостинина. Д. И. Антонов фокусируется именно на этих памятниках, поскольку они были созданы в первой четверти XVII в. современниками событий и позволяют «увидеть логику книжников и проследить, как вариативно могли использоваться кочующие мотивы и объяснительные модели» (с. 21).

Однако обвинять автора в неоправданном сужении источниковой базы не стоит, поскольку в действительности он привлекает целый ряд других средневековых текстов и текстов раннего Нового времени. Более того, осознавая, что труды книжников XVII в. могли иметь ограниченное влияние на сознание широкой массы современников и даже вовсе отражать исключительно собственные воззрения того или иного сочинителя (как, например, «Временник» Тимофеева, сохранившийся в единственном списке и, стало быть, не получивший широкого хождения), Д. И. Антонов привлекает и такой источник, как исторические песни. Впрочем, учитывая, что записаны они были по большей части в XIX в., возможности их использования для решения

поставленной автором задачи существенно ограничены, и потому их рассмотрению в книге уделен один небольшой параграф.

Исследование Д. И. Антонова концентрируется на ключевых смысловых проблемах, которые Смутное время поставило перед русским обществом, поколебав его вековые устои и заставив искать выход из ситуаций, которых ранее просто не возникало. Первым и наиболее значимым вопросом, требующим немедленного решения, стал вопрос престолонаследия. После смерти царя Федора Ивановича в 1598 г. династия Даниловичей пресеклась, но никакой выработанной процедуры передачи престола на такой случай предусмотрено не было.

Интересно, что в это же самое время схожая ситуация сложилась во Франции, где после убийства в 1589 г. Генриха III пресеклась династия Валуа (ее Ангулемская ветвь). Решение было найдено путем вычисления старшего по мужской линии потомка короля Людовика IX, правившего в XIII в. и представлявшего дом Капетингов до того, как из него выделилась династия Валуа. Таковым оказался король Наваррский Генрих IV, положивший начало 200-летнему правлению Бурбонов во Франции. И хотя ему потребовалось еще пять лет вооруженной борьбы, чтобы утвердить свою власть, сам принцип передачи трона старшему мужчине в линии наследования, как бы ни был он далек по степени родства предыдущему королю, укоренился.

В России на момент смерти Федора Ивановича было великое множество князей Рюриковичей, из числа которых можно было бы высчитать старшего потомка Александра Невского, правившего до выделения рода Даниловичей. О подобном старшинстве заявлял, но уже после прихода к власти в 1606 г., Василий Иванович Шуйский. Однако в России конца XVI в., после отказа от «лествицы», по сути, не было представления об «очереди» престолонаследия (во всяком случае, это не было доминирующей идеей), и потому свои права на царскую власть смогли предъявить сразу несколько князей, причем не только Рюриковичей, но и Гедиминовичей, сославшихся на родство с Иваном Грозным по женской линии. Более того, близкое свойство по женской линии оказалось более ценным, чем дальнейшее родство по линии мужской, почему о своих притязаниях смогла заявить не только титулованная знать, но и старомосковское боярство в лице

Романовых, и, собственно, Годунов. В этих условиях фаворитом борьбы за трон становился не тот, кто мог похвастаться наиболее близким родством с последним царем, а тот, кто располагал реальной властью. Как известно, таким человеком был Борис Годунов.

Вместе с тем восшествие на престол Годунова было обеспечено не за счет грубой силы, а стало результатом долгой политической борьбы и требовало идеологического обоснования. Вопрос избрания Бориса Годунова на Земском соборе и использования этого механизма в последующих событиях Смуты стал одним из центральных в исследовании Д. И. Антонова. Он подробно разбирает аргументацию, обосновывавшую права Годунова на трон, и приходит к интересному выводу о том, что в 1598 г. сформировался новый комплекс идей, которые превратились в «своеобразный чин избрания» (с. 32). Несмотря на то, что сам Годунов в итоге был заклеен как похититель трона, выработанная при нем модель избрания царя использовалась в последующем — частично Василием Шуйским в 1606 г. и в полной мере при избрании Михаила Романова в 1613 г.

По мнению Д. И. Антонова, «избирательный канон был хорошо продуман и обладал необходимой устойчивостью, обеспечившей ему долгое историческое существование» (с. 38). Этот тезис автор подтверждает примерами истории XVII в. (в частности, «избранием» Петра и Ивана Алексеевичей на престол в 1682 г.), но, откровенно говоря, именно как комплекс, а не отдельные его элементы, «избирательный канон», как представляется, не вышел за пределы собственно Смутного времени. После избрания Михаила Федоровича первые Романовы, по сути, наследовали власть от отца к сыну, хотя и с некоторыми оговорками, а к тому моменту, когда после смерти Петра II в 1730 г. возник новый династический кризис, этот комплекс идей в том виде, как его описал Д. И. Антонов, уже устарел, и для легитимации власти последующих монархов использовались другие модели. Конечно, какие-то элементы «избирательного канона» можно увидеть в возведении на трон Анны Иоанновны, но, повторюсь, именно элементы, а не весь комплекс идей.

Далее Д. И. Антонов разбирает образы двух монархов-антагонистов — Бориса Годунова и Лжедмитрия I, то, как они

сами себя пытались репрезентировать, и, в большей мере — как их описывали политические противники. Вообще, в этом смысле книгу можно было бы назвать не «Цари и самозванцы», а «Царь и самозванец», потому что именно этим двум персонажам уделена едва ли не половина ее содержания (если не считать «экскурсы»).

Автор монографии подробно описывает, как в трудах книжников XVII в. складывался образ Бориса Годунова — человека, безусловно, умного и делавшего много полезного для страны, но честолюбивого и гордого, коварством и злодейством завладевшего царским тронном и тем самым свергнувшего страну в пучину Смуты. Это именно тот образ, который в последующем перекочевал в классическую русскую литературу и до сих пор актуален для массового сознания (насколько вообще можно говорить о массовом сознании в отношении Смутного времени).

При этом вызывает особый интерес одна деталь, на которую обратил внимание Д. И. Антонов, — среди множества обвинений, которые предъявлялись Борису Годунову, одним из первых была клятва, данная во время венчания на царство, когда он, рвя на себе рубаху и призывая Бога в свидетели, обещал, что в его царствование никто не будет нищ или беден. Этот жест Годунова был отмечен многими исследователями и рассматривался как пример своеобразной «демагогии», но немногие обратили внимание на то, что в контексте эпохи он мог быть воспринят совсем иначе. Д. И. Антонов показывает, обращаясь к «Сказанию» Авраамия Палицына, что клятва, данная Годуновым, была ничем иным, как «божбой», проистекающей из гордыни и греховной по своей сути (с. 52). Таким образом, царствование Годунова с самого начала оказывается омрачено в глазах современников неверными отношениями с Богом.

Фигура Лжедмитрия I подверглась еще более пристальному вниманию Д. И. Антонова. Сопоставляя два мифа о нем — с одной стороны, как о законном наследнике, а с другой — как о самозванце и чернокнижнике, автор гораздо большее внимание уделяет именно второму. Крайне интересны параграфы, посвященные топосу «мерзость запустения» и спору о хлебах. В них Д. И. Антонов по-настоящему раскрывается как специалист по средневековой семиотике. Обращаясь к святому писанию и трудам отцов церкви, совершая экскурсии в историю богословских

споров и раскрывая их тончайшие нюансы, он показывает их неожиданное преломление в контексте Смутного времени. «Мертвостью запустения», которую принес с собой Лже-Христос / Антихрист Лжедмитрий, оказывается «мертвый» причастный хлеб (католические опресноки) как свидетельство скорого конца света.

Однако наибольшее впечатление производит рассмотрение Д. И. Антоновым сюжета о «потешном аде» — механической конструкции, сооруженной в короткий период правления Лжедмитрия I и оставившей глубочайшее впечатление в памяти современников. Долгое время исследователи не могли понять, что эта конструкция собой представляла и для чего предназначалась. Российские и иностранные источники, свидетельствовавшие об этой затее Лжедмитрия I, давали противоречивые описания, из которых нельзя было сделать однозначных выводов. Высказывались предположения о военном либо исключительно «потешном» предназначении «ада». Для того чтобы разгадать загадку этого сооружения, источников о собственно Смутном времени оказалось недостаточно, в связи с чем Д. И. Антонов обратился к средневековой европейской карнавальной культуре и убедительно показал несомненное родство «потешного ада» с так называемыми дьяблереями — мистериями, в ходе которых использовались конструкции, изображавшие «голову ада» и представлявшие собой своеобразную «крепость», обитатели которой обряжались в костюмы бесов, а саму ее «брали штурмом». Для русского общества начала XVII в. подобное действо представляло как нечто «колдовское» и «еретическое». Тем не менее Лжедмитрий I пошел на то, чтобы все-таки устроить «потешный ад». Д. И. Антонов делает вывод о том, что это была попытка «провокативной манифестации европейских культурных принципов, попыткой “перенастроить оптику” подданных и приучить их к западным нормам» (с.109).

Отдельную главу Д. И. Антонов посвящает вопросу крестоцелования — клятвы на кресте, широко практиковавшейся на Руси со времени принятия христианства как в частноправовой сфере, так и в сфере межкняжеских взаимоотношений. Особое место занимало крестоцелование как форма присяги вступающему в свои права государю. Д. И. Антонов убедительно показывает, как в условиях политической нестабильности Смутного

времени, когда цари сменяли друг друга с поразительной быстротой, а то и вовсе оспаривали друг у друга верховную власть, практика крестоцелования дискредитировалась. Церковь вообще неоднозначно относилась к присяге на кресте, поскольку клятва осуждается как грех в Новом Завете, но, учитывая многовековую традицию, вынужденно признавала крестоцелование правителю, разделяя при этом «благие» клятвы и «злые». Однако постоянные нарушения крестоцелования широкими массами населения, а также элитами русского общества в результате перипетий политической борьбы, заставляли искать выхода из этой ситуации. Д. И. Антонов доказывает, что в конечном счете одним из следствий Смуты стало вытеснение крестоцелования из всех прежних сфер применения и его замена формулой присяги на Евангелии, по заповеди «еже ей-ей»: люди клялись так, как было предписано в Новом Завете (с. 135).

Отдельной главы в книге Д. И. Антонова удостоился «Временник» Ивана Тимофеева. В ней автор попытался проследить, как этот дьяк представлял власть, в чем видел суть потрясений Смуты и чем отличаются его представления от тех, что распространились в других текстах. Интересно наблюдение Д. И. Антонова о двойственном отношении И. Тимофеева к царской власти. С одной стороны, цари — помазанники Божьи, и только Бог в праве судить их дела, но с другой стороны — Тимофеев все-таки судит о делах царей и приходит к определенным выводам. Если большинство свидетелей Смуты в своих сочинениях возлагали вину за ее начало исключительно на Бориса Годунова, который якобы погубил царский род и незаконно возложил на себя корону, то Тимофеев смотрит глубже по времени и находит, что начало всем бедам лежит в злодеяниях Ивана Грозного. Впрочем, вины с Годунова это не снимает, хотя Тимофеев и допускает, что все его преступления стали возможны Божьим попусшением. К тому же, как пишет дьяк, еще неизвестно, какая сторона, добрая или злая, взяла верх в его душе в час смерти.

Принимая Лжедмитрия за абсолютное зло, Тимофеев крайне негативно отзывался и о свергнувшем его Василии Шуйском. В итоге, во «Временнике» все цари от смерти практически святого Федора Ивановича до восшествия на престол Михаила Романова представляют собой «череду грешников» (с. 146). Таким

образом, начавшееся из-за «пременения чинов»¹ разрушение основ правильно устроенного общества, «домостроительства», при котором государство объединяет всех домовладельцев-государей под властью единого хозяина — великого государя, было остановлено только избранием «праведного царя». Возвращение «хозяина во владения, государя на трон, снова делает царство царством» (с. 151). Политическая цель составления «Временника» в этом смысле очевидна — обосновать исключительные права Романовых на трон как единственных достойных наследников первых русских царей, представив альтернативных претендентов (Годунова, Шуйского) виновниками Смуты.

В последней главе Д. И. Антонов рассматривает апогей и завершение Смутного времени, в том числе как русские сочинители демонизировали иноземцев, вторгшихся в пределы Русской земли, как описывались постигшие ее беды и с каким именно событием современники связывали окончание Смуты. В завершение Д. И. Антонов воспроизводит основные постулаты официальной интерпретации событий Смутного времени, принятой после утверждения на троне династии Романовых: хотя избрание и правление Годуновых, а затем Шуйского представлялись вполне законными, но ни один правитель в период 1598–1613 гг. не признавался достойным престола. Смута была Божьей карой, посланной за избрание неверных царей, и прекратилась именно с возведением на престол Михаила Романова (с. 161–162).

В заключении автор приходит к важным выводам о том, что кризис Смутного времени «разрушил основополагающие элементы, ядро культуры Московского царства. Восстановить существовавшую систему оказалось невозможно» (с. 165). Это создало ряд трудностей для первых Романовых, с которыми те сталкивались на протяжении всего XVII в. и которые были связаны с десакрализацией власти, утверждением в русском обществе представления о восхождении царя на престол через процедуру избрания, постоянным воспроизводством самозванческой идеи и широким хождением ожидания скорого конца света.

1 Премещение — в значении «перемена», «изменение», «нарушение установленного порядка». — Б. К.

Характеризуя работу Д. И. Антонова в целом, стоит отметить его основательный подход к рассмотрению того или иного вопроса, позволивший нарисовать убедительную картину идейной борьбы в эпоху Смутного времени и сделать важные выводы о ее результатах. Вместе с тем нельзя не сказать о том, что после прочтения книги остается ощущение определенной недосказанности и даже скромности ее концовки. Это ощущение можно было бы описать житейской фразой: «хорошо, но мало». Книга в самом деле небольшого объема — ее основное содержание укладывается чуть более чем на 160 страницах, а последующие «экскурсы», призванные обеспечить изданию солидный объем, на самом деле мало или вовсе не перекликаются с заявленной темой (хотя сами по себе, безусловно, являются интересными примерами использования выбранной Д. И. Антоновым методологии для изучения иных проблем истории России XVII в., не относящихся напрямую к Смутному времени).

Как уже было указано, Д. И. Антонов концентрирует свое внимание на сюжетах, связанных с Борисом Годуновым и Лжедмитрием I, в то время как последующие события рассматриваются бегло, вскользь или вовсе обходятся стороной, между тем как «борьба идей» явно не закончилась после майского восстания в Москве 1606 г. и избрания Василия Шуйского на царство. Да, в одном из параграфов дается краткий обзор образа иностранцев в российских источниках, упоминается избрание Романова в 1613 г., но этого явно недостаточно.

Так, идея самозванства после Лжедмитрия I опускается, хотя сам Д. И. Антонов акцентировал внимание на ее живучести. Между тем совершенно не описана роль самозванства в восстании Болотникова, забыта фигура Лжепетра, Лжедмитрий II упоминается всего несколько раз. Подобным образом проигнорирована история Лжедмитрия III, хотя итог его авантюры, а также судьба Ивана «Ворёнка» ясно показывают, как русское общество постепенно изживает идею самозванства в пользу идеи правильного избрания всей землей нового государя.

Явно непропорционально в книге освещен вопрос избрания на российский престол представителя иностранной династии — идея, которая несколько лет гуляла в верхах русского общества, но в конце концов уперлась в непреодолимое препятствие

в виде необходимости принятия православия. Эта проблема занимала одно из ключевых мест в «борьбе идей» в период Смуты, особенно в 1610–1613 гг., и одного абзаца для ее описания, как кажется, совершенно недостаточно.

Образ Марины Мнишек обозначен в книге довольно ярко, но ограничивается контекстом ее свадьбы с Лжедмитрием I, тогда как ее роль в истории Смутного времени на этом явно не заканчивается. Связь Марины с Лжедмитрием II, рождение Ивана «Ворёнка», бегство с Иваном Заруцким и смерть в заточении добавили много красок в ее восприятие русским обществом.

Одним из тяжелых последствий разразившейся Смуты, с которым пришлось иметь дело правительству Михаила Романа, стало широкое распространение идеи казачьего образа жизни. Массы «показавшихся» наводнили Русское государство и явно не собирались возвращаться к прежней мирной жизни. Описание образа казака в эпоху Смуты, как представляется, было бы нелишним для исследования о борьбе идей в этот период.

Наконец, особенное удивление вызывает тот факт, что обойдены вниманием оба народных ополчения, которые, собственно, и позволили освободить Москву, избрать нового царя и завершить Смуту. Между тем идея того, что «Земля», сама, без государя, может собрать воинство и управлять страной, пока не будет восстановлен прежний порядок, была поистине революционной для русского общества того времени. Вероятно, именно через ополчения начало формироваться политическое тело русской нации, а сама идея жила еще многие века, и к ней обращались в наиболее трудные годы наполеоновского нашествия и Великой Отечественной войны.

Подводя итог, необходимо сказать, что книга Д. И. Антонова — это, несомненно, качественное исследование, которое внесло существенные коррективы в понимание идеологических процессов, протекавших в период Смутного времени, и с которым необходимо ознакомиться каждому, кто действительно заинтересован в изучении той эпохи. Вместе с тем эта книга далеко не исчерпывает заявленную в названии тему и затрагивает далеко не полный круг идей, циркулировавших в русском обществе периода Смутного времени. Возможно, это обусловлено ограничением «опорными текстами», которое автор сам на себя наложил.

В связи с этим хочется выразить надежду, что Д. И. Антонов не остановится и продолжит разработку данной темы, а читатели через какое-то время увидят новое издание книги, расширенное не за счет очередных «экскурсов», а за счет упущенных ранее нюансов борьбы идей в России Смутного времени.